

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2013" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2013 года.

1 место

Конкурсное произведение [114. "Дорожное"](#)

...а за окном – берёзово. Шпалы – чересполосицей.
Небо играет красками щедро и нараспев.
Сумерки гонят с пастбища рыжее стадо осени.
Даль убегает в прошлое, выдохнуть не успев.

Только прикосновение, только намек – не более...
Тянется-канителится времени волокно,
зыбится послесловием чеховской меланхолии...
Желтый зрачок прожектора высветил полотно.

Беглый этюд – плакатное: рыжий трехлетка с яблоком.
Ложка по подстаканнику бряцает бубенцом.
На незнакомой станции суетно, как на ярмарке.
Пахнет капустой квашеной, бочечным огурцом.

Можно дышать, как дышится... или парить, как движется.
Можно сказать, как выдохнуть – шелестом-ветерком.
Только вот слово «Родина», в общем-то, слишком книжное...
лучше бы – полушепотом, тающим сквозняком.

Бродят слова ненужные (вроде письма с оказией) –
то ли уже на подступе, то ли еще в пути ...

– Вяленным рыбным Севером, спелой арбузной Азией,
мокрым хохлатым Питером
встреть меня, приюти...
и посмотри доверчиво... и обними по-дружески...
пусть себе паутинится медленной речи вязь.
Будь ты слегка подвыпившей, луковой и простуженной...
Знаешь, и пуповинная недолговечна связь.

Вижу – на шею времени кольца легли годичные.
Вижу как из дорожного старого рюкзака
волком глядит предательство паспорта заграничного
с ужасом обреченности вечного чужака.

2 место

Конкурсное произведение [19. "Заблудившийся автобус"](#)

Автобус хромает на заднее правое –
я чувствую каждую кочку и рытвину.
Вдоль вечного тракта меж кривдой и правдою
везёт нас водитель маршрутами скрытными.
Везёт в Скрытымным, где просили о помощи,
везёт в Дырбулщыл, где дырявые пастбища,
везёт в Бобэоби, что губы припомнили,
везёт в Лукоморье – пирком да за свадебку.
И странные виды в окошке проносятся,
и мысли роятся невинно наивные,
и, если пенсне не сползло с переносицы,
увидишь картины завидные дивные:
корзины с капустою краснокочанною,
на раз превращенье духовного в плотское,
мартышку Крылова, собаку Качалова,
февраль Пастернака, скворца Заболоцкого.
Полно контролёров на душу поэтову –
порой позавидуешь ранее вышедшим,
ведь цель путешествия многим неведома,
а цену билета объявят на финише.

3 место

Конкурсное произведение [192. "Стекольщик"](#)

Стекольщик зазнался, он даже не режет рук,
а мог бы для форсу немного подкрасить цены.
Его утомляет вот этот противный звук –
когда до субботы все окна в округе целы.
Как будто по будням на улицах нет камней
и в бязевых спальнях друг друга ревнуют редко...

Сама мастерская – без вывески, так видней;
чтоб дверь не ходила – придумана табуретка.
Внутри тесновато, но вклиниться удалось,
полсотни окурков радушно торчат из блюдца,
стекольщик кивает, подходит, но смотрит – сквозь,
так мастерски смотрит, что хочется оглянуться.

4 место

Конкурсное произведение [156. "Гойя"](#)

Гойя почти не видит, совсем не слышит.
Ветер седые пряди его колышет.
Сеяно хлебом последнее поле боя,
Но Гойя видит другое,
Совсем другое.

Поле накормит вдоволь, залечит раны.
Ветер пропитан запахом марципана.
Пекарь поет счастливую "Las tres hojas",
Но Гойя слышит другое,
Совсем другое.

Чтобы увидеть небо глазами птицы,
Нужно уснуть спокойно, а не забыться,
Вздрагивая от стонов больничных коек...
И просто не видеть Гойю,
Не слышать Гойю.

5 место

Конкурсное произведение [31. "Рая"](#)

А на девочке пижама в горошек.
У горошка легкомысленный вид.
Укрываю. Лёгкий чубчик ерошу.
Напеваю. Рая губки кривит.

За окном долдонит дождь-барабанщик.
Рая видит сны о самом простом.
Просыпается, оладушков клянит.
Говорю ей: «Спи, мой птенчик. Потом».

Утром тру для Раи фрукты с базара.
И оладушки даю. И чайку.
Рая просит: «А поставь Лесковара».
Что ж, пластинки с чердака волоку.

Но не слушает. Лепечет о папе,
об отце и о младенце с икон.
Я меняю ей слюнявчик и памперс
и в коляске вывожу на балкон.

Во дворе осенний свет. Клён желтеет.
Рая дремлет под рефрен Маму Blue.
В феврале ей будет семьдесят девять.
Если Рая не умрёт к февралю.

6 место

Конкурсное произведение [7. "Да кому они песни глубоких рыб..."](#)

да кому они песни глубоких рыб
когда высохли дни и вокруг намиб
шарит в поисках смысла шарит
когда память пуста и прозрачный жар
протекает свободно сквозь крышки жабр
допотопных бесследных тварей

кто уловит над дюнами длинный звук
если сам себе каждый и слог и слух
если каждый где лучше ищет
между тем когда криком кричит пассат
рыбы что ни промолвят всегда смолчат
оттого их так поздно слышно

очутившись теперь в золотом нигде
мы с тобой говорим на живой воде
под осадком минут зыбучих

но при ветре другом и в часу другом
будто рыбы скелеты на свет всплывём
ускользнувшую жизнь озвучив

7 место

Конкурсное произведение [279. "Московское море"](#)

Когда этот мир выцветает, становится желто-серым,
она говорит «бывает», а он ей в ответ «наверно».
Она говорит «проходит», а он ей в ответ «наверно»,
и чинит свой пароходик на море, где-то под Тверью.

А ей и в Москве не скучно. Пока дождь танцует джигу,
на мягкой диванной суше она загорает с книгой.
Паркетные волны стонут, по ним проплывает бригам
бамбуковый чайный столик времён китайского ига.

Куда-то под Тверь с тревогой уносятся крики чаек -
они поделить не могут остатки печенья к чаю.
Она к середине пьесы не помнит, что там в начале
и думает: интересно, а как он по мне скучает?

В гостиной стихает ветер, запутавшись в длинной шторе.
А что он теперь ответит, причалив к ней в коридоре,
когда его пароходик, пускай на одном моторе,
вернется в тихие воды её Московского моря.

8 место

Конкурсное произведение [87. "Last Post"](#)

Pro memoriam J.McCrae & A.Helmer

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы...

В. Жуковский

Копьями, бомбами, ядрами ли баллист –
мир добывает трупы. Боеприпасы
все подойдут. Какой бы артиллерист
соус ни выбрал, пушечным будет мясо.
Списки убитых в меню фронтовых газет
неукоснительно свежи; вот разве слабо
мелкий шрифт отпечатан, так их уж нет,

сто́ит ли чётче? Просто урок масштаба.

Азимутальной вилкой берёт буссоль
лакомый кус ландшафта. Обед военный.
Тихий пейзаж до нутра расцарапан вдоль
и поперёк трезубцами наступлений.
Тишь на позициях – это всего лишь вдох
перед зевотой смерти. Окопный бруствер
так же не в силах полусырой горох
тел уберечь, как мир не спасти искусству.

Тонко жужжат названья: шрапнель, картечь,
виккерс. Затвердевает воздуха панцирь.
Ставит флажки на западе маршал Френч,
и на востоке гнётся над картой канцлер.
Планы – в штабных вагонах, а на земле
круг повседневности задан другим калибром.
Пули – крупней шмелей, а поля в желе
из человечины превращены под Ипром.

«Что вы не спите, Хелмер?» – «А вы, Мак-Крей?»
«Сыро в траншее, и, знаете, мучит астма.
Вот допишу стишок и пойду.» – «Ей-ей,
мне не уснуть. Мы все здесь вроде балласта.» –
«Вы ещё молоды, Хелмер, вам жить да жить,
а отдыхать положено по уставу.
Полно, ложитесь. Вот поумерим прыть
бошей, и вы вернётесь в свою Оттаву.»

В месиве грязи преют тела солдат.
Тише ходи, часовой, что оружием звякать...
Пологом плащ-палатки укрыл закат
спящую на полях человечью мякоть.
Ближе к рассвету с востока приходит хмарь
матовой тучей, насквозь проникая в фибры,
жёлтым удушьем вея... Не дым, не гарь –
облако цвета горчицы плывёт над Ипром.

Нет ни свинца, ни молний в одышке туч.
Значит – пора домой? Позабыть атаки,
взрывы, окопы, цензуры штабной сургуч?..
Странно качаясь, спят полевые маки.
Взводы хрипят, эскадроны несутся вскачь.
Полупрозрачной походкой неуставною
по облакам шагая, идёт трубач,
в небо летит и играет сигнал отбоя.

9 место

Конкурсное произведение [79. "Выбраться отсюда на неделю..."](#)

Выбраться отсюда на неделю
От тебя, от сплина, от метельной
Суеты и маятности в город,
Где метель потише и расколот
Старым Томасом на части неба свод

Не скучать, не пить вино ночами,
Оттолкнуться тенью от развалин
Монастырских в пригороде. Таллинн
Мельче, ярче, более понятен.
(И постарше, лет так на шестьсот).

Переливом серым обозначен
Горизонт, завален и замачтен.
Ветром порт прибит и зябнут чайки
В бреющем над Балтикой. В остатке
Только память, больше ничего.

Возвращаться каждый раз сложнее
Здесь я дома, там – тебе виднее
Ты пришпилен к городу, вернее
Он к тебе, как в детстве ГТО
Знак пришпилен был к убогой школьной форме
Помнишь? Впрочем, что я, все ты помнишь.

Семь часов автобусной мороки,
Две таможни и чужие строки...
Я - одна в обоих городах.
Тускло мне в обоих Александрах
Невских, среди прочих равных
В Домском только Бог внушает страх.

Я вернусь, и даже слишком скоро
Поменяю плюс на минус, вспорот
Шов, простроченный заботливой рукой.
Ты соединишь два этих края,
Что-то склеишь, что-то подлатаешь
И опять душевный непокой

Повлечет меня в иные дали.
К берегам, которые не звали
Ни по имени, ни как-либо иначе.

Переливом серым обозначен.
Горизонт, завален и замачтен.
Нарисован, стерт, почти прозрачен,
Прислонен к Финляндии щекой.

10 место

Конкурсное произведение [276. "Балтийская элегия к М."](#)

Низкорослое солнце запнулось о кончики труб
и упало в залив, как в мазут, без единого всплеска.
Внутрикомнатный свет стережет на окне занавеска,
чтобы он не остыл и не вытек наружу к утру.

Бытовое тепло в этом городе - главный вопрос,
облака не заштопаешь, словно протекшую кровлю,
здесь любовь непременно соседствует рифмами с кровью,
даже если носитель слышан о contra и pro.

Саблезубое время грызет и грызет нашу жизнь,
компонентов НЗ неизвестно на сколько осталось,
непослушные вялые мышцы сковала усталость,
а в мятежные некогда души вошли миражи.

С неба падают хлопья несбыточных мечт (или снег?),
засыпая следы, - все одно не вернуться к истокам,
и сердца запускаются лишь электрическим током,
но никак не волнительной мыслью о скорой весне.

Город может без нас, мы не можем без города - факт
не однажды доказанный теми, кто жил в нем и умер,
их возможно услышать, когда прерывается зуммер
до сих пор еще яростных красных и белых атак.

Ты мне друг, я - тебе. Разливай ароматную смесь
жарких южных долин и морского прибоя в бокалы,
волосатую юность помянем и, дык, елы-палы,
промолчим на двоих не одну позабытую песнь.

